

В. А. Бармин*Алтайская государственная педагогическая академия*

**Заложники нового формата «большой игры»,
или Почему Советский Союз в 1945 г. отказался
от поддержки Восточно-Туркестанской республики¹**

В ноябре 1944 г. в трёх северных округах китайской провинции Синьцзян — Илийском, Тарбагатайском и Алтайском, населённых преимущественно казахами, киргизами, уйгурами, монголами и дунганами, вспыхнуло мощное национально-освободительное восстание. Социально-экономическое положение коренных народов провинции, а перечисленные этносы с полным правом относятся к таковым, на протяжении всего периода колонизации этого края Китаем, т. е. с середины XVIII в., было чрезвычайно тяжёлым. Экономические тяготы разноплеменного населения провинции, насчитывавшего более десяти народностей, усугублялись национальным бесправием, а также многочисленными ограничениями в области культурной и духовной жизни со стороны китайской администрации. В условиях шедшей с 1937 г. японо-китайской войны все эти проблемы значительно обострились. В Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах, граничивших с территорией СССР, положение стало особенно сложным после 1942 г., когда по решению провинциального правительства были свёрнуты все формы экономического сотрудничества с Советским государством. От уровня и объёма этого сотрудничества во многом зависело благополучие приграничных округов.

Восстание началось в конце октября 1944 г. после того, как власти Синьцзяна издали указ о реквизиции у населения провинции

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проекты № 13-11-22005 «Советский Союз и великие державы в Синьцзяне в 1918–1949 гг.: столкновение региональных интересов»; № 12-31-09012 «Центрально-Азиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность» и финансовой поддержке Минобрнауки в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 6.4137.2011 «Источники юга Западной Сибири и сопредельных территорий XVII — первой половины XX в.».

10 тыс. лошадей на военные нужды. Поскольку этот указ затрагивал прежде всего интересы кочевников-скотоводов, недовольство, стихийно переросшее в восстание, охватило районы кочевий в Илийском округе, и в частности Нилхинский уезд. В начале ноября созданный несколько ранее подпольный революционный комитет поднял восстание в столице Илийского округа г. Кульдже, а 15 ноября после завершения в городе последних уличных боёв объединённым штабом восстания было провозглашено создание Временного правительства Восточно-Туркестанской республики (ВТР) во главе с религиозным авторитетом, узбеком по национальности Алиханом-тюре. К осени 1945 г. подразделения национально-освободительной армии ВТР, в которую ещё в апреле были сведены все отряды повстанцев Илийского округа, во взаимодействии с партизанскими отрядами Тарбагатай и Алтая очистили от гоминьдановских войск эти округа и стали реально угрожать столице провинции Урумчи. Положение китайских властей в Синьцзяне стало критическим.

Роль и степень участия Советского Союза в повстанческом движении Синьцзяна в 1944–1945 гг. до недавнего времени практически не находили отражения в работах советских и российских историков. Это было связано прежде всего с закрытым характером архивных материалов, способных пролить свет на указанную проблему. Однако ставшие в последние годы доступными для исследователей документы позволяют сделать вывод, что восстание коренных народов Синьцзяна в трёх революционных округах нашло всестороннюю поддержку со стороны Советского Союза. Сегодня можно с высокой степенью достоверности говорить о том, что советское руководство не только оказывало восставшим материальную, военно-техническую и инструкторскую помощь, но в значительной степени влияло на деятельность правительства ВТР. Достаточно сказать, что ещё до начала восстания и создания ВТР для налаживания сотрудничества и координации взаимодействия с повстанцами советским руководством была создана специальная оперативная группа во главе с начальником отдела спецзаданий НКВД СССР генералом Егнаровым и его заместителем начальником 4-го отдела первого управления НКВД генералом Лангфангом. Несколько позже генерал Егнаров начал совмещать руководство оперативной группой с одновременным исполнением обязанностей главного советника при правительстве

ВТР. Совершенно очевидно, что без согласования с советскими дипломатами и представителями при правительстве ВТР ни члены этого правительства, ни сам Алихан-тюре не предпринимали сколь-нибудь серьёзных шагов, как в военной области, так и в вопросах государственного строительства.

Нет сомнения также и в том, что успешное развитие наступления национально-освободительной армии ВТР, поддержанное в разных районах Синьцзяна новыми вспышками восстаний, вполне могло привести к падению гоминьдановской администрации в провинции. Однако в конце июля — начале августа 1945 г. Советский Союз приостановил поставки оружия и боеприпасов армии ВТР и отозвал из её подразделений большую часть инструкторского состава. Одновременно советское руководство стало настаивать на том, чтобы правительство Восточно-Туркестанской республики вступило в переговоры с провинциальными властями Синьцзяна. Столь резкое изменение политической линии в отношении событий, происходящих в провинции, было связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, Советский Союз 8 августа 1945 г. вступил в войну против милитаристской Японии; во-вторых, 14 августа того же года подписал с Китаем «Договор о дружбе и союзе между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой», и, наконец, в-третьих, в день подписания этого договора советская сторона вручила министру иностранных дел Китая специальную ноту. В 3-м пункте этого документа, озаглавленного «Об оказании помощи Центральному правительству Китая, о суверенитете Китая над Тремя Восточными Провинциями (Маньчжурией) и о событиях в Синьцзяне», заявлялось: «Что касается последних событий в Синьцзяне, то Советское правительство подтверждает, что оно, как сказано в статье 5-й договора о дружбе и союзе, не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Китая...»² Вышеизложенные обстоятельства делали нежелательным продолжение активных боевых действий армии ВТР на территории Синьцзяна и ставили под вопрос целесообразность всесторонней поддержки самой Восточно-Туркестанской республики. В связи с этим 14 сентября 1945 г. на имя Сталина был подан проект постановления ЦК ВКП(б) «О положении в Синьцзяне»,

² Советско-китайские отношения: 1917–1957. М., 1957. С. 205–206.

подготовленный Вышинским и Берией. В нём предлагалось заявить китайскому правительству о готовности советского руководства, заинтересованного в установлении порядка на своей границе, оказать провинциальным властям «возможное содействие... в урегулировании создавшегося в Синьцзяне положения на основе предоставления мусульманам... автономии»³. Кроме того, проект постановления предусматривал «Рекомендовать повстанцам... на время переговоров (с провинциальным правительством. — В. Б.), если таковые состоятся, активные действия своих вооружённых сил приостановить»⁴. Несмотря на активные возражения части членов правительства ВТР во главе с Алиханом-тюре, 12 октября 1945 г. в Урумчи начались переговоры между делегацией ВТР и провинциальным правительством. Переговоры в 1946 г. завершились подписанием мирного договора, формальным самороспуском правительства Восточно-Туркестанской Республики, ликвидацией непризнанной республики и формированием коалиционного правительства Синьцзяна. Уже с началом этих переговоров активная фаза повстанческого движения в трёх революционных округах Синьцзяна была завершена.

Нет сомнения в том, что политика Советского Союза в отношении повстанческого движения коренных народов Синьцзяна 1944–1949 гг. плохо вписывается в нормы нравственности. Вместе с тем, признавая, что народы Синьцзяна оказались разменной картой в большой политической игре, которую вело руководство СССР с Китаем и Соединёнными Штатами Америки, нужно отметить, что лидеры Советского Союза в этот период руководствовались принципом политического расчета и целесообразности. Учитывались также изменения в международной обстановке, внутривнутриполитической ситуации в Китае и новые реалии, складывающиеся на евразийском пространстве. Учитывался и тот факт, что влияние СССР на ВТР, в правительстве которой достаточно сильны были позиции лиц, разделяющих националистические и панисламистские идеи, не было абсолютным.

Подписание Восточно-Туркестанской Республикой и Центральным правительством Китая в 1946 г. мирного соглашения, совершенное

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 99. Л. 7.

⁴ Там же.

под сильнейшим нажимом со стороны Советского Союза, по сути, предопределило трагический исход очередного этапа борьбы коренных народов Синыцзяна за свою независимость. Но фактически противостояние в иных проявлениях и формах продолжалось ещё более двух лет.

Д. В. Возчиков

*Институт гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета*

**«Люди скромны, благовоспитанны
и богаче жителей других стран»: венецианский
путешественник Никколо Конти о Китае**

Венецианский дипломат, купец и путешественник второй половины XV в. Иосафат Барбаро однажды заметил: «Большая доля той малой части земли, которая обитаема, оставалась бы вовсе неведомой, если бы венецианская торговля и венецианское мореходство не открыли ее»¹. Одним из тех венецианцев, благодаря которым знания позднесредневекового Запада о других цивилизациях существенно расширились, был купец Никколо Конти (ок. 1395–1469). Конти провел в путешествиях по арабскому миру, Индии и Юго-Восточной Азии свыше 20 лет, владел арабским и персидским языками. Рассказы венецианца о Востоке, в том числе о Китае, дошли до нас в изложении флорентийского гуманиста и секретаря папы Евгения IV Поджо Браччолини (1380–1459), включившего их в четвертую книгу «Истории о превратности судьбы»², и кастильского путешественника Перо

¹ Барбаро И. Путешествие в Тану, 2 // Барбаро и Контарини о России : К истории итало-российских связей в XVI в. / вступит. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971.

² Bracciolini P. Historiae de varietate fortunae libri quatuor. Paris, 1723.